

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-48-59

**«...В ТЕБЕ ДВЕ ДУШИ — ОДНА: АНГЕЛ! ДРУГАЯ: СКОТИНА!..»
(ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКОГО К А. А. ВОЕЙКОВОЙ
ОТ 27 АВГУСТА 1823 ГОДА)***

**(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ © С. В. БЕРЕЗКИНОЙ;
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА С. В. БЕРЕЗКИНОЙ И © Н. Л. ДМИТРИЕВОЙ)**

Александра Андреевна Воейкова (1795–1829; урожд. Протасова), была прославлена как женщина неподражаемого обаяния многими современниками,¹ первым же среди них был В. А. Жуковский, беззаветно любивший младшую сестру своей музы Маши Протасовой (в замужестве Мойер; 1793–1823). Воспетая им под именем Светланы в посвященной ей одноименной балладе (1813), а затем и в балладе «Громобой» (1817), А. А. Воейкова, жена (с 1814 года) поэта, переводчика и журналиста А. Ф. Воейкова (1778–1839), украшает своим присутствием и воспоминания о Жуковском (например, К. К. Зейдлица),² и переписку поэта. Ее образ принял особую рельефность и значительность благодаря трудам А. Н. Веселовского³ и, главным образом, Н. В. Соловьева.⁴ В «Истории одной жизни» Соловьев привел письма и Жуковского к Воейковой, и ее письма к нему, в частности из-за границы 1827–1829 годов. Он пользовался копиями писем Жуковского именно за этот период, сделанными ее старшей дочерью Александрой Александровной Воейковой (1817–1893).⁵ Сохранилось (из пятнадцати писем) лишь два автографа 1828 года, и они свидетельствуют, что копии эти были изготовлены с сокращением текстов Жуковского, по меньшей мере, на четверть: Воейкова-дочь выбрасывала из них множество сведений о своей семье, а главное — об отце и деньгах, которые он высылал во Францию, Швейцарию и Италию своей умирающей от чахотки жене (более половины затрат на поездку — возможно, две трети — обеспечивал Жуковский, причем он мог пользоваться кредитом императрицы Александры Федоровны, ставшим затем «безвозвратным»; упоминания о ней Воейкова-дочь также выбрасывала из писем).⁶ Еще более печальная участь постигла письма Жуковского к Воейковой 1823 года (всего тринадцать автографов), которые Соловьев, судя по карандашным пометам на них, читал, но не стал использовать в своей монографии.⁷

Письма Жуковского 1823 года связаны с драматическими событиями в истории семьи Воейковых, причем образ Светланы предстает в них в несколько ином виде, нежели в знакомых нам источниках. В июле 1822 года у Воейковой родился сын Андрияша, и ее муж подозревал, что отцом его был А. И. Тургенев. Страстное увлечение Тургенева Воейковой началось во время заграничного путешествия Жуковского 1820–1821 годов и получило своеобразное отражение в публикациях писем и биографических работах. Ему посвящено значительное место в «Истории одной жизни» Соловьева, опубликовавшего в отрывках большое количество писем Жуковского, Тур-

* Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

¹ См., например: *Греч Н. И.* Записки о моей жизни / Под ред. и с комм. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М.; Л., 1930. С. 648–649.

² *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783–1852. По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. С. 131–135, 145–151.

³ *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 137–184.

⁴ *Соловьев Н. В.* История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана»: В 2 т. Пг., 1915–1916.

⁵ ИРЛИ. № 22737. См.: «Жива ли ты еще?..» (Последние письма В. А. Жуковского к А. А. Воейковой) / Вступ. статья и комм. С. В. Березкиной; подг. текста Н. Л. Дмитриевой // Русская литература. 2016. № 4. С. 163–164.

⁶ ИРЛИ. № 29402. Л. 22–24 об.

⁷ Там же. Л. 1–21 об.

генева и Воейковой, касавшихся этих взаимоотношений. Соловьев подвел своему изложению следующий итог: «Тургенев совершенно особо, свято и до трогательности нежно относился к Саше как к дорогому ему, слабому и больному ребенку. С отцовской нежностью он заботился о ее здоровье и спокойствии, не называя ее иначе, как Ангелом. Его искренно огорчало то, что ни она, ни Жуковский не понимали всей исключительности и святости его страсти. Свою нежность он переносил и на детей ее, искренно любя их как своих собственных. Ради любви к Светлане он дружил с ее мужем <...> переносил терпеливо грубости и бестактности Воейкова <...> Отношения Саши к новому другу далеко не так ясны, за неимением писем ее по этому поводу. Несомненно одно: в ней пробуждалась любовь, с которой она старалась бороться всеми силами своей души».⁸ Письма Жуковского к Воейковой 1823 года позволяют иначе взглянуть и на эту историю, и на отношение ее к Тургеневу.

Письма Жуковского были адресованы в Дерпт, куда он в феврале 1823 года увез Воейкову с детьми, спасая ее от ужаса семейных сцен, к матери, Е. А. Протасовой, и сестре, М. А. Мойер. В марте Мойер умерла в родах, и Жуковский, вновь приехавший в Дерпт после ее смерти, сообщил Воейкову в письме, что его жена не оставит мать и осиротевшую Катю, дочь Маши, весь ближайший год. Согласие Воейкова на разлуку с женой Жуковский «взял с бою» — уговорами, а главное, угрозами в письмах к нему от конца марта и середины апреля 1823 года (Воейков отвечал ему страстно, не скупясь на оскорбления и, в свою очередь, угрозы).⁹ В Петербург Жуковский вернулся из Дерпта 12 мая 1823 года, и бурные беседы с Воейковым позволили ему упрочить достигнутое: тот согласился жить в разлуке с женой в течение двух лет.

Какова же во всей этой истории была позиция Воейковой? Письма Жуковского к ней за май–сентябрь 1823 года показывают, что она не была однозначной. Известные по публикациям письма Тургенева к Жуковскому¹⁰ и автографы писем Жуковского к Воейковой 1823 года¹¹ содержательно дополняют друг друга, проясняя эту историю.

Любовь Тургенева и Воейковой была на каком-то этапе взаимной, и ее увлечение им несомненно. О серьезности всей ситуации свидетельствует переписка Жуковского и с Воейковым, и с Воейковой, затрагивающая тему развода. В первом же из написанных Жуковским в Дерпте писем (конец марта 1823 года) говорится об этом прикровенно, но с угрозой: если Воейков не согласится на разъезд с женой, то ему, Жуковскому, придется «прибегнуть к какой-нибудь бедственной крайности», и именно поэтому, зная, что у него «в сердце против Саши» (Жуковский напоминал о «собственном признании» Воейкова, сделанном в разговоре с ним), он требовал добровольного разъезда супругов.¹² Осторожные намеки Жуковского в этом большом письме к Воейкову приняли в ответном письме ему прямую и грубую форму: Воейков обвинял Жуковского в замысле бракоразводного процесса. Он утверждал, что знает гражданские законы «в тысячу раз лучше» Жуковского, что «никаких обвинительных, юридических <...> документов» у него нет (при этом советовал показать имеющиеся «искусному адвокату», тем самым «осрамив» себя перед ним, а затем и перед Святейшим Синодом). Но главное — Воейков угрожал Жуковскому разоблачением перед императором Александром I в том, что касалось его поведения в семье Протасовых, и, защищаясь, выстраивал линию своих обвинений в адрес зачинщика процесса.¹³ В середине апреля 1823 года Жуковский ответил Воейкову, что не боится его угроз, и в конце своего письма, настаивавшего на необходимости его разъезда с женой, заявил о наличии у него документов

⁸ Соловьев Н. М. История одной жизни. Т. 1. С. 89.

⁹ «Разлука не развод...»: Из переписки В. А. Жуковского и А. Ф. Воейкова 1823 г. / Вступ. статья С. В. Березкиной; подг. текста и комм. А. Ю. Балакина и С. В. Березкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 263–300.

¹⁰ Соловьев Н. М. История одной жизни. С. 119–136; Siegel H. Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenew und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829. Köln; Weimar; Wien, 2012. S. 453–457, 459–465, 469–472.

¹¹ ИРЛИ. № 29402. Л. 1–21 об.

¹² «Разлука не развод...». С. 277.

¹³ Там же. С. 284–285.

против Воейкова, которые он намерен вверить «в третьи руки». ¹⁴ После этого Воейков, несомненно испугавшись, согласился на временный разъезд с женой.

Эту переписку с Воейковым читала в Дерпте его жена, которая в черновиках писем Жуковского писала и собственные письма к мужу: Жуковский правил и дописывал ее письма, прилагавшиеся к его письмам в Петербург и выражавшие полное согласие с его требованиями. ¹⁵ Воейков, конечно же, знал, что все прочитывается его женой (так было принято в дерптской семье), поэтому кое-что в его письмах было нацелено и на ее восприятие: именно для нее он написал, что не собирается брать на себя вину Саши (как это часто бывало в бракоразводных процессах), и напоминал, что «выигравшая процесс с мужем женщина уже ославлена и опозорена». ¹⁶ Таким образом, выигрыш процесса женой не представлялся Воейкову невероятным, но в письме к Жуковскому он обрисовал перед ней и другой исход: «Вить не по Шиллеровым стихотворениям станут разбирать жену с мужем. Сына-Андрюшку отдадут матери, а дочерей отцу». ¹⁷ Понимать это следует так: виновной будет признана супруга, совершившая прелюбодеяние (а Воейков показывал, что он сумеет это доказать), и у нее, в согласии с законами того времени, будут отобраны дети с передачей их отцу. Маловероятно, что согласие на оставление Саше «сына-Андрюшки», родившегося в июле 1822 года, Воейков связывал с его младенчеством: он был просто ему не нужен из-за подозрений относительно его истинного отца. Тургенев, кстати, нигде не упоминается в этих письмах Воейкова, но здесь он возникает в каком-то угрожающем подтексте, предполагающем упоминание о нем в ходе процесса.

Готовность обличить жену в бракоразводном процессе была выражена Воейковым с предельной бескомпромиссностью. Здесь необходимо учесть и еще одну особенность бракоразводного процесса: по законам того времени, на сторону, признанную виновной в расторжении брака, Синодом налагалось церковное наказание — временный запрет, иногда очень значительный, на вступление в другой брак. Было ли все это осмыслено Жуковским и Воейковой после получения в Дерпте писем ее мужа? По-видимому, да. В письме от 27 августа 1823 года, которое мы публикуем ниже, Жуковский утверждал, что она сама не захотела изменить свое положение: «...судьба прикрепила к тебе цепями ту руку, которая тебя тащит с этой высоты, и ты сама не хочешь разорвать этой цепи. Легко бы было улечь — но цепь не разорвана!» Эти слова, на наш взгляд, можно толковать однозначно: Воейкова знала о жизненных перспективах для нее после ухода от мужа (поскольку был любящий ее Тургенев), но отказалась от них.

Тургенев в письмах 1823–1825 годов к Жуковскому, касавшихся Саши, твердил о вечности, неизменности своего горячего чувства к ней, к тому же постоянно писал о своей любви к ее детям ¹⁸ (это очень важный момент для понимания того, что было его целью). Из тех упреков, которые после исчезновения из Петербурга в феврале 1823 года Воейковой обрушил на Жуковского Тургенев, наиболее сокрушительным было обвинение в предательстве: он считал, что Жуковский выдал его «тайну» Воейкову. ¹⁹ О какой же «тайне» здесь идет речь? Самым простым было бы предположение о том, что Жуковский раскрыл Воейкову глаза на особость отношений Тургенева к его жене. Это предположение опровергается множеством свидетельств, из которых самое раннее можно связать с 1822 годом: это стихотворение Воейкова «К ней» (Новости литературы. 1822. № 26. С. 208; дата: «18 ноября 1822»; подпись: «В-в») — с упреками к похитительнице «цвета настоящих благ», теперь цветущих не для автора; публикацию этих стихов ставил в вину Воейкову Жуковский в письме от конца марта 1823 года, считая, что они роняли в глазах света его жену. ²⁰ К зиме 1822–1823 года

¹⁴ Там же. С. 291.

¹⁵ Там же. С. 281–282, 291.

¹⁶ Там же. С. 292.

¹⁷ Там же. С. 285–286.

¹⁸ См., например, письмо Тургенева к Жуковскому от 18 марта 1824 года: *Siegel H. Der Briefwechsel...* S. 453.

¹⁹ *Ibid.* S. 444.

²⁰ См.: «Разлука не развод...». С. 275, 282, 284, 287.

относились и напоминания в его письмах к Воейковой о тех «прекрасных сценах», которые требовали постоянного вмешательства Жуковского, вынужденного защищать ее от мужа. Наконец, утверждения Жуковского в письмах к Воейкову от марта–апреля 1823 года о том, что поведение Саши было «совершенно беспорочно»,²¹ свидетельствуют, что в феврале 1823 года ни о какой достоверности его с Воейковым на эту тему не могло быть и речи.

Тем не менее «тайна» Тургенева, раскрытая им Жуковскому незадолго до его отъезда с Воейковой в Дерпт, по-видимому, существовала. Мы выскажем свою гипотезу относительно этого эпизода: Тургенев мог говорить с Жуковским о замысле бракоразводного процесса и о том, что Воейковой, отвечающей ему взаимностью, не противна эта идея. Жуковский же, в котором Воейков видел инициатора развода с его женой, таким в действительности не являлся (о подлинных же его настроениях Воейков знать не мог, поскольку Жуковский ему не доверял). Желанной для Жуковского целью был разъезд Воейковых, причем — навсегда. Вернувшись в Петербург (еще до смерти М. А. Мойер), Жуковский встретился с Тургеневым и после разговора с ним получил резко-обвинительное письмо от 13 марта 1823 года: «Я вверил тебе это чувство, ни одной минуты не думая о последствиях этой доверенности. Как употребил ты эту доверенность — суди сам по последствиям. <...> не ожидал ни холодности в минуты страданий, какой бы природы они не были, ни тебя, содействующего Воейкову и изменяющего данному слову, вопреки тайному гласу совести. <...> Проси у нее прощения; я знаю, что она, при всей ангельской доброте своей, не всегда прощать умеет».²² Письмо Тургенева заканчивалось словами о разрыве их долголетней дружбы.

До нас не дошел ответ на это письмо, написанный Жуковским в середине апреля уже из Дерпта (на него Тургенев, в свою очередь, ответил ему 28 апреля 1823 года).²³ В Петербурге, где Жуковский (после приезда из Дерпта) был с 12-го по 20 мая, он три раза виделся с Тургеневым (последний раз за несколько часов до своего отъезда в Павловск). Краткое сообщение об этом Жуковский дал в грустном письме к Воейковой от 25 мая 1823 года: «С Тургеневым мы не сошлись. Я встретил его у него. Его не было дома; я пошел к Николаю. Он явился, мы обнялись; Николаю надобно было выйти; вот всё, что он мне сказал в ответ на мое письмо: *я писал к тебе несколько строк, в которых просил тебя не мучить ее никакими распросами!* — Я замолчал и скоро ушел. После видались мы у Батюшкова и у Муравьевой — и ни слова. За час перед моим отъездом он явился ко мне; признаюсь, виноват перед ним, может быть, огорчил его некоторыми выражениями. — После писал ему из Павловска, но <тон> очень был холодный. Он спит и видит сон, и в этом сне я кажусь ему каким-то чудовищем; оставляю его до пробуждения. За сон и бред сердиться нельзя. Но более с ним ни слова ни о себе, ни о тебе. И тебя прошу не говорить со мною ни о чем; даже на эту статью не отвечай. *Если можешь вспомнить обо мне в виду Машина гроба, сколько-нибудь одобрить* <курсив мой. — С. Б.>, то думай, что тебе есть товарищ. С горем тебе разлучиться нельзя; но дай ему лучшее направление, дай боле пищи размышлению; религия — животворитель смерти. Другого нет прибежища».²⁴ В это же время Тургенев через Жуковского вернул (несомненно, по требованию Воейковой) ее письма к нему, «ящик» с которыми был тут же отправлен в Дерпт.²⁵ Письма эти неизвестны, скорее всего, Воейкова их

²¹ Там же. С. 275.

²² Siegel H. Der Briefwechsel... S. 444.

²³ Ibid.

²⁴ ИРЛИ. № 29402. Л. 9–9 об. В письме упоминается Н. И. Тургенев, с которым А. И. Тургенев жил на одной квартире, а также К. Н. Батюшков, привезенный в Петербург в начале мая 1823 года, и Е. Ф. Муравьева, у которой он был помещен. «Холодное» письмо Жуковского к А. И. Тургеневу, написанное после 20 мая 1823 года из Павловска, не известно.

²⁵ «Жду от Тургенева ящик с письмами», — писал Жуковский Воейковой 19 мая 1823 года (ИРЛИ. № 29402. Л. 5–6 об.). Об отправлении этих писем со слугой Жуковского Тургенев написал ему в холодной краткой записке 27 мая 1823 года: «Письма возвращаю с Яковом, который сказал мне, что поедет завтра обратно в Павловск» (Siegel H. Der Briefwechsel... S. 448). Видимо, Тургенев не сразу решил расстаться с письмами Воейковой.

уничтожила. Это был важный символический жест, означающий окончание их отношений.

Воейкова была очень мягким по натуре человеком. В одном из писем 1828 года она вспоминала, что в детстве звала Жуковского «папкой», уверяя, что именно так она привыкла воспринимать своего «милого отца».²⁶ Это не значит, что Воейкова не оказывала ему сопротивление в некоторых семейственных делах: так, она не была сторонницей его брака с сестрой Машей ни в 1814-м, ни в 1817 году; в 1815-м она поддерживала своего мужа (потому что тогда еще не знала всей его подноготной) в распре с друзьями Жуковского, когда они пытались защитить своего друга, вытесненного из дома Протасовых Воейковым (и написала при этом Жуковскому такое письмо, о котором ему было больно вспоминать).²⁷ Саше Воейковой, в характере которой Жуковский считал главным качеством кротость, нужна была то ли поддержка какого-то сильного человека, то ли толчок от него в принятии важных жизненных решений. Она подчинилась Жуковскому, уезжая из Петербурга, и приняла его доводы о необходимости уединенной жизни в Дерпте — но что же говорило ее сердце? Жуковский понимал, что Тургенев был дорог Сашину сердцу и что их история была трагедией для обоих.

В июне 1823 года Воейкова потребовал свидания с женой и детьми. Тургенев, который был начальником Воейкова по службе, вместе с Жуковским всячески противился этой поездке его в Дерпт, но им пришлось уступить.²⁸ К защите Александры Андреевны был привлечен и В. А. Перовский, ее рыцарь и друг, который по просьбе Жуковского написал Е. А. Протасовой письмо. К нему прилагался листок, написанный ими совместно, в котором было строго регламентировано общение Воейкова с женой — с указанием часов для посещений ее и требованиями к его поведению.²⁹ Одновременно с Воейковым, день в день, в Дерпт приехал Жуковский, пробывший там три недели. Воейков, в течение двух отведенных ему недель, был тих и благоразумен. Именно после июльских встреч конфликт в семье Воейковых пошел на спад, и Саша решила снова съехаться с ним, вернувшись зимой в Петербург. Жуковский принял это резко негативно и 27 августа написал к ней большое письмо (см. ниже), а затем, спустя неделю, отправил еще одно, короткое, в котором обрисовал картину того, какое развитие примет ее отношения с Тургеньевым в Петербурге: «Одно из двух: или будешь видеться с Т<ургеньевым>, или не будешь. В первом случае, всё старое тем же порядком или беспорядком возобновится; я помочь не могу и наперед отказываюсь от невозможного. Т<ургеньев> будет обвинять меня, зачем ты уступаешь Воейкову и зачем Воейков не ангел;³⁰ В<оейков> будет требовать от меня, чтобы Т<ургеньев> был благоразумен. Я буду у всех виноват <...> Словом, не беру на себя невозможного. — Во втором случае, ты оскорбишь Т<ургеньева>. Будучи в Дерпте или в Павл<овске>, ты, не затворяя для него дверей, избавлена от всех неприятностей. Может ли это быть в Петербурге; если не будешь принимать его, то визиты <?>, всё старое возобновится, только и другим образом. Это может иметь на него пагубное влияние. Могу предвидеть это из того, каков он со мною. Надобно его беречь — это твоя обязанность: чтоб не было старого, вам надобно не видаться! <...> Итак, оставайся в Дерпте!»³¹

Предвидение Жуковского оказалось, в общем, верным в том, что касалось Тургеньева, но он не учел другого — силу воздействия на Сашу в Дерпте со стороны ее матери (хотя, полагаем, в какой-то степени рассчитывал и на это). Е. А. Протасова сыграла важную роль в разрыве отношений дочери с Тургеньевым, о чем тот с негодованием писал Жуковскому в 1824–1825 годах, считая «мать Саши виновницей всех бедствий»;

²⁶ Соловьев Н. В. История одной жизни. Т. 1. С. 154.

²⁷ См.: Березкина С. В. Письма В. А. Жуковского к А. Ф. Воейкову второй половины 1814 г. // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2017. Вып. 3. С. 354–355.

²⁸ «Разлука не развод...». С. 297–298.

²⁹ РГБ. Ф. 99. Карг. 22. № 46.

³⁰ См., например, бурное письмо Тургеньева к Жуковскому от 8 июня 1824 года по поводу полученного от мужа Воейковой известия о новой ее беременности: Siegel H. Der Briefwechsel... S. 457. Известие это было ложным, судя по времени рождения у Воейковой дочери Маши в июне 1825 года.

³¹ ИРЛИ. № 29402. Л. 20–20 об.

в другом письме он сравнивал историю своей любви с историей Жуковского и Маши Протасовой, утверждая, что Е. А. Протасова сходным образом поступила с обеими — «с нею и с М<арьей> А<ндреевной>»³² (напомним, что Е. А. Протасова воспрепятствовала браку Жуковского, поскольку женитьбу своего единокровного (по отцу) брата на своей дочери Маше считала противоречащей установлениям церкви). В случае с другой дочерью Маше ситуация была сходной, поскольку для Е. А. Протасовой была нестерпима сама мысль об отношениях дочери с Тургеневым.³³

Вернувшаяся в Петербург Воейкова ошеломила Тургенева твердостью, с которой отстранилась от него. «Я упал сам в себе от ее ко мне равнодушия, — писал он Жуковскому в начале 1824 года, — от презрения к моим страданиям, от ее мнения обо мне <...> Пусть Ангел Хранитель спасает везде ее от меня. Я его же, и тебя, и всех прошу о том же, и всегда просил вас спасти меня от нее же. Вы не понимали меня, а только презрение оказывали к моему бешенству, к моему безумию, заглушив жалость к одинокому, неразделенному несчастью».³⁴ В конце 1824 — начале 1825 года, оказавшись в Москве, Тургенев вновь и вновь пишет Жуковскому о своих отношениях с Сашей, подводя им некоторый итог:³⁵ «У меня нет несчастья, кроме ее, а мое несчастье, мой разврат и ее»³⁶ (мысль, выраженная в последней фразе, прояснится при постановке тире перед словом «мой»). Если иметь в виду постоянные, во всех этих письмах, уверения в «любви вечной» к Саше, то станет ясно, что Тургенев, готовый на всё, чтобы не расставаться с ней, был угнетен тем, что их отношения приняли характер пошлого адюльтера, которому был положен конец после внутрисемейной огласки.

Тургенев видел причину всех несчастий в слабости характера Воейковой и в этом, как ни странно, сходилась с Жуковским. В том, что Жуковский писал Саше в публикуемом ниже письме, много общего с упреками в ее адрес со стороны Тургенева. Жуковский предрекал Воейковой, что слабость характера окажет пагубное влияние на судьбы ее детей, — то же самое писал ей Тургенев: «Легкомысленность не всегда нас спасает. Часто в иступлении своем говаривал я сам себе: накажет ее Бог в детях».³⁷ Тургенев считал, что Саша «приготовит гибель, своею слабостию, не только детям, но ему самому» (здесь, судя по контексту, имеется в виду Воейков); далее, в том же письме: «...хоть бы остановилась она при мысли, что он первый погибнет от ее слабости» (эти слова комментатор относит уже к сыну Андрею).³⁸

После смерти М. А. Мойер ее сестра стала адресатом самых проникновенных писем Жуковского, написанных в мае–июне 1823 года. Письма к Воейковой, которые касались и ее положения в семье, он писал в это время из Петербурга и Павловска с промежутком от трех до семи дней (их полная публикация готовится к печати). После решения Воейковой вернуться в Петербург письма Жуковского прекратились.

³² Siegel H. Der Briefwechsel... S. 464, 453.

³³ Именно благодаря Е. А. Протасовой сразу же был положен конец начавшейся было в Дерпте переписке Тургенева и Воейковой: «Маменька очень мила, что присоветовала тебе писать к мне о письме Т<ургенева>, — писал Жуковский Воейковой 10–11 июня 1823 года. — Нам не нужно говорить о том, что случилось, — но то, что вновь случиться может, я знать должен; и ты уведомяй меня обо всем. Я думаю, что тебе теперь отвечать надобно именно для того, чтобы положить конец всякой переписке и наперед определить то, что должно быть, если тебе надобно будет возвратиться в Петербург. Если по-прежнему он будет всякий день тебя видеть, то и поступки будут прежние: этому быть не должно. Прошу тебя, отвечай коротко и ясно и не жди второго письма. Я считаю, что теперь писать к тебе и старым тоном есть большое оскорбление. Этому надобно когда-нибудь кончиться. Знать, что напишешь, я не желаю; поступи так, как сама думаешь. Только яснее, яснее; вся беда от неясности. <...> Письмо можешь отдать через Козлова <...> Я желал бы одного знать, что он к тебе пишет» (ИРЛИ. № 29402. Л. 3–4).

³⁴ Siegel H. Der Briefwechsel... S. 461.

³⁵ По-видимому, именно к Воейковой относились и слова Тургенева: «...ей не любовь нужна была, а какие-то наружные ласки и неоткрытие того, чего она в себе боялась» (Ibid. S. 464–465), хотя, судя по контексту письма, здесь возможно и иное толкование (Е. А. Протасова?).

³⁶ Ibid. S. 460.

³⁷ Ibid. S. 454.

³⁸ Ibid. S. 457.

Из тринадцати писем Жуковского к Воейковой за май–сентябрь 1823 года мы публикуем лишь одно, самое большое и яркое.

Автограф — ИРЛИ. № 29402. Л. 17–18 об. Текст публикуется по современным правилам пунктуации и орфографии, с сохранением ряда индивидуальных написаний.

27 августа.¹

Саша, читала ли ты «Le voyage autour de ma chambre» par le comte Maistre?² Там есть очень справедливое рассуждение о человеке. Он (мысль Maistre) не только верит, что в человеке есть душа, но утверждает, что в нем две души, и одну из этих душ называет la bête,³ другой же нет имени; просто *душа*; лучше имени он не знает. Эта система вообще справедлива; для меня же она понятнее, нежели для другого. Зная тебя, я уверен, что в тебе две души — одна: Ангел! другая: Скотина! и эти два козлика по переменкам управляют тобою, и никак нельзя сказать, кто у кого в команде, Ангел ли у Скотины, Скотина ли у Ангела. Например, всё, что я прочитал в той книжке, которую у тебя отнял,³ написано Ангелом, и Скотина, верно, об этом даже не знает; зато всё, что написано в письме к Варете⁴ (в последнем) о приезде в Петербург, о покупке дома в Сарском Селе,⁵ было выдуманно и диктовано Скотиною, вероятно в такую минуту, когда Ангел, призадумавшись, смотрел на небо и разговаривал с нашею милою звездою, не заботясь о грязном земном жилище. Итак, сперва хочу управиться со Скотиною, чтобы после отдохнуть с моим добрым Ангелом. *Приехать зимою в Петербург?* Что ты это выдумала, Скотина? Разве ты не жалеешь товарища своего Ангела? Воейков приедет в Дерпт на две недели; эти две недели *зимние* могут пройти так же тихо, как прошли недели *летние*;⁶ можно *избежать* историй, можно *избавить* маменьку от свиданий, можно *воспрепятствовать* свиданиям с Мойером!⁷ Но и маменька, и Мойер сами могут *не допустить* до историй; ибо самое верное средство против них есть *равнодушие* ко всему, что может затеять Воейков; и это равнодушие должно быть для них легко, ибо им сохраняют они и свое, и твое спокойствие, да и наперед знают, что от Воейкова ждать нечего, следовательно, и оскорбляться от него нечем. Напротив, если поедешь в Петербург зимою, то уж будет трудно *возвратиться*, когда захочешь, надобно будет опять шуметь и спорить; сверх того вспомни, что приедешь в *Петербург*, а не в Павловск;⁸ будешь ли иметь довольно твердости, чтобы избегнуть от тех прекрасных сцен, которые были прошлою зимою? Начать же им подвергаться? Всё еще так свежо, так не успокоилось, что прошлые, заснувшие бури непременно пробудятся. Что бы ни было причиною этих бурь — не тронь их! Благо, они спят. В Павловске другое дело — отдаление самый естественный защитник. В Петербурге всё непременно возобновится! и сам Воейков всему поможет — он рад случаю обвинить и казаться правым! Теперь это право у него отнято — тогда он опять его получит! Одним словом, я крепко стою против приезда в Петербург. И тем крепче, что сам буду в одно время с Воейковым в Дерпте. У меня в виду целый декабрь и, может быть, половина января.⁹ Воейкову же нельзя быть в Дерпте иначе как в декабре. — *Купить дом в С<арском> Селе!* О Скотина! Скотина! и ты этому радуешься. Позволь спросить: на какие деньги купит господин издатель Инвалида¹⁰ эти саркосельские палаты? Можно ли покупать дом в Сарском Селе — выгодный только для богатей, которые могут бросить лишние деньги для прихотей? Вместо того, чтобы думать о покупке дома, не имея в кармане гроша свободного, ему и надобно было (если бы он имел сколько-нибудь благоразумия и порядка) думать о том, как бы заплатить оставшиеся долги и затем жить порядочно тем, что имеет, и сколько-нибудь откладывать детям, оставив тебя в покое заниматься их воспитанием и только раз в год выдаясь с своею семьею. Вот лучший план на эту минуту. Но лучшее не может казаться даже хорошим Воейкову — это натурально! Но как же ты, Скотина, будучи такой близкий сосед Ангелу, позволяешь себе строить воздушные замки на голом фундаменте, который кладет перед тобою Воейков, у которого всего на

* зверь, скот, животное (фр.)

всё только и есть душа-скотина, а души-ангела не бывало. Не понимаю этой переменчивости воображения! Как можно еще минутою забывать то, что раз придумано и придумано к общей пользе! Что бы ни было вперед, но выигранные два года должны сохранены быть неприкосновенными! Это такие два года, в которые многое утихнет, утвердится, приведется в порядок, и всё это зависит единственно от тебя, Александра Андреевна, Скотина-Ангел! Вообрази, что в течение этих двух лет, то есть считая от августа 1823 до мая 1825, ты будешь видеться с ним только три раза по 2 недели, как в нынешнем году; может быть, на 3 <недели> в следующем и опять на 2 недели зимою — сколько ж совершенно свободного времени, принадлежащего тебе и другим, без нарушения, без раздела, посвященного в полноте твоим главным, святым занятиям? Я не говорю тебе о *счастьи* — это слово в Дерпте без смысла, да и везде! Говорю о *материнской должности* — этого слова твоя Скотина (которая так легко привязывается к бирюлькам) не поймет! Но твой Ангел зато понимает его так, как ничей никогда понимать не умел. Ну! слава Богу! отделался от Скотины: здравствуй, Ангел! милый знакомец второго и настоящего Ангела! Милый товарищ лучших минут в жизни! Милый сосед на Машинной могиле! Верный товарищ и проводник куда глаза глядят! Хорошо, что ты жив; хорошо, что я тебя знаю; хорошо, что ты мой, как был прежде, а теперь *двое*, нежеле прежде! Благодарствуй, милый Ангел, за черную твою книжку! Верно, ты сам шепнул мне в ту минуту, когда я завладел этою книжкою по праву сильного: когда я развернул ее, с одним только любопытством, ты сам вылетел из ее листов, такой же святой, каким являлся мне всегда, и, сказав мне: *читай! я тут!* — полетел на свою несменную квартиру. Послушай, мой Ангел! унимай Скотину! не давай ей бунтовать без пользы! На что ей по пустяком хлопотать! Она ничего путного не сделает! С тобою ей не сладить! Всё ты одолеешь! Всё, наконец, будешь один хозяином дома! и чем скорее, тем лучше. Зачем откладывать? Итак, уйми ее; а я поговорю с одним тобою, чтобы моя скотина, которая давно завладела моим ангелом, несколько присмирела и дала хоть минуту отдохнуть бедному своему товарищу. Саша, между прочим золотом я нашел в твоей книжке вот что: *Vous me reprochez d'être toujours dans l'empireé; mais donnez moi en réalité une ombre des biens que mon âme me fait rêver et je descends sur la terre. Laissez vous estimer et je suis toute à vous.** В этих строках вся твоя судьба прошедшая и, можно сказать, все твои должности! Ты сама определила свое место. Тебя упрекают твоею возвышенностию, тебя хотят стащить в свою грязь — стой и не сходи! Но судьба прикрепила к тебе цепями ту руку, которая тебя тащит с этой высоты, и ты сама не хочешь разорвать этой цепи. Легко бы было улететь — но цепь не разорвана! Остаться на высоте трудно — но в этом-то и достоинство. Стой тихо, не раздражай того, кто хочет стянуть тебя вниз, дабы не увеличить его усилий, а для тебя трудности удержаться там, где ты теперь; но стой тихо и твердо. Он из грязи своей будет принужден глядеть вверх, и если сам к тебе не подыметя (если уже нельзя будет заставить себя уважать), то по крайней мере перестанет более и более увязать в своей тине, сам будет стоять тихо, будет смирен — и в этом единственное оставшееся ему достоинство. *Не жди, чтобы грязь была не грязь* (это спасет от огорчений сердце), *не напоминай ему об ней* (это спасет тебя от его раздражения, производимого унижением, не нужным для тебя, убийственным для главного — *спокойствия* — и вредным для него, ибо из старого дурного произойдет новое). *Сноси тихо и твердо необходимое, но береги, защищай постоянно свое главное: достоинство.* (Это будет благотельно и для него; потеряв надежду тобою владеть, он сам покорится необходимому; разлука, нужная для сохранения семейного мира (столь необходимого и для детей твоих), сама собою утвердится между вами, и он не переступит за те границы, которые ты сама назначишь не переступать, если ты сама за них не переведешь его.) *Il ne se laissera jamais estimer, donc jamais vous ne pourrez être toute à lui.*** Этому правила не выпускай ни на минуту из

* Вы упрекаете меня, что я витаю в эмпиреях; но дайте мне в реальности хотя бы тень тех благ, о которых мечтает моя душа, и я спущусь на землю. Позвольте мне вас уважать, и я всецело ваша (фр.).

** Никогда он не даст себя уважать, следовательно, никогда ты не будешь всецело его (фр.).

памяти. Раз выбравши для себя самое трудное: *не покидать его!* — исполни это трудное не с тою слабостию, не с тою неосмотрительностию, не с тем *se laisser aller*,* которые до сих пор всё портили, но с чувством собственного достоинства, с твердостью, тебе возможно, с твердостью, которой до сих пор ты в себе не подозревала и которую считала даже противною должности. Несчастное заблуждение, которое заставило тебя искать *вне себя* той подпоры,¹¹ которую всю могла найти в самой себе. Воспитай эту твердость: она еще младенец, но младенец, подающий большую надежду. (Об этом уверило меня последнее мое пребывание в Дерпте.) *Être toute à lui*** ты не можешь ни по уважению (которого никогда он не заслужит), ни по влечению сердца, которому всё теперь уже известно, для которого нет возможного; горесть *узнания* <так!> миновалась; пускай займет его место если не счастливое, то по крайней мере спокойное, безнадежное *знание*. Point d'incertitude.*** Ты знаешь, чего ждать; следственно, не можешь обманываться, ни огорчаться, узнавая обман. Будь ты одна — в таком положении едва ли бы можно было отвечать за себя. Но у тебя есть три ангела,¹² союзника собственному твоему Ангелу — против этого союза Скотина не устоит! Не уважать не значит показывать неуважение; я не присоветывал бы тебе этого и тогда, когда бы думал, что ты на это способна! Но твоя душа создана быть кроткою, и Богом данный хранитель ее есть ее врожденная *ясность*, неразлучная с нею в самые тяжелые минуты. Присоедини же к этим двум товарищам, родившимся с тобою, третьего: *твердость*, и этот третий сделает их твоими благодетелями, а сам при них потеряет свою естественную суровость. *Твердости ненавидящей* ты иметь не можешь; итак, имей *твердость кроткую и усмиряющую*; она удовлетворит твоему сердцу. Итак, отказавшись от того, что *невозможно*, не изнурая души его исканием, не расслабляя ее бесполезным огорчением, не унижая ее заблуждениями и надеждами, производимыми изредка минутным, неверным добром, *знай*, что в твоей воле еще создать для себя некоторое, достойное тебя счастье: *спокойную независимость матери*. И ты себе одной можешь быть обязана этим благом. До сих пор ты всё ждала силы и руководства от других, слишком была уверена в своем бессилии, слишком думала, что должность твоя состоит в том, чтобы быть жертвою беспрекословною, и эта беспечность насчет собственной силы была причиною всех бед. Трудно победить такую привычку. Но от победы над нею зависит судьба твоих детей. Твоя черная книжка еще более уверила меня в том, что я всегда думал, в том именно, что ты способна мыслить верою и можешь иметь правила. Но твои мысли, прекрасные, возвышенные, не иное что как вдохновение. Они рождались только в некоторых, по большей части трудных, обстоятельствах. Это искры, которые сверкали только от того, что кремень высекал их из стали. Но искры не светят — а тебе надобен свет! и ты можешь иметь его. Не думай сделать *Его* (т. е. В<оейкова>) лучшим. Но будь уверена, что можешь парализовать его *дурное*. Он дурен по своей натуре; таким он и останется. Но он не имеет характера; можешь владеть им, если, не раздражая его слабости и не обращая ее в упрямство, будешь управлять им с тихою, кроткою твердостью. Этому опять служит доказательством нынешний приезд его в Дерпт. Он уже теперь знает, что ты можешь быть от него независима, он увидел, как много бы потерял, если бы ты от него отступилась; *не напоминая* ему об этом (что только будет раздражать и всё портить, производя сцены, вредные для детей), старайся, чтобы он никогда *про себя* этого не забыл: вот истинная середина, на которой ты должна остановиться: оставь его смиренно лежать скотиною в грязи и не позволяй ему выбегать из нее зверем. Это тебе возможно, и одной тебе. Верь только своей силе и помни беспрестанно, что она для тебя необходима. И два года разлуки свободной могут иметь самое благодетельное на тебя и на него действие; в письмах своих можешь ясно и твердо, не унижая его, а напротив, как будто устраивая вместе с ним будущее, определить то сношение, какое с ним иметь должна, можешь назначить ту границу, за которую он никогда и ни для чего переступать не должен. Я знаю, что для него нет прави-

* нерадением (*фр.*)** Быть всецело его (*фр.*).*** Никаких сомнений (*фр.*).

ла: вчерашнее забыто нынче; совесть его беспамятна. Но всё это нужно более для тебя, нежели для него; объяснишь для себя необходимое, привыкнешь видеть ясно то, об чем никогда до сих пор не думала в связи, приучишь себя к тому языку, которым должна говорить с ним (к языку кроткой твердости, который и для него будет приятен, ибо это будет язык доброжелательства), и его самого приучишь слышать, сносить и даже с покорностью понимать язык твой. Эти два выигранные года должны быть для тебя полезны не тем только, что они дадут тебе отдохнуть; нет! это постороннее. Я повторяю здесь то же, о чем настоятельно говорил в Дерпте. Эти два года должны быть приготовительные: обдумай прошлое по порядку и запасись правилами для будущего. Эти правила тебе были бы не столь нужны, когда бы ты имела в муже хотя несколько благоразумного, правдошного и верного помощника; но с ним тебе надобно всё свое лучшее *брать с бою*; он только способен тебе мешать и препятствовать: как же не иметь в таком положении чего-нибудь твердого, за что всегда бы можно было держаться? Но этого *твердого* никто не даст тебе, кроме самой тебя, и его не иначе получишь, как обдумав всё, что было прежде; настоящий наш учитель — наше прошедшее. Ты бы могла позволить себе беспечно жить *au jour la journée*,* если б была одна; но от твоих правил зависит теперь судьба детей твоих; неужели захочешь, чтобы они, *пока дети*, участвовали в твоих огорчениях (которых большая часть от необдуманности и слабости), и неужели захочешь, чтобы они получили ту же привычку к несчастному твоему *se laisser aller*, которую ты имеешь, и потом сами бы сделались в будущем по той же методе несчастны. *Обдумай всё с пером в руках*: этого требует от тебя судьба детей твоих. Но может быть, я проповедую в пустыне. Лень — наш общий друг — всему помешает. При том как принудить себя, продолжим, думать *нынче* о том, что было предметом размышления вчера? А рисование? а наклеиванье цветов? а экран?¹³ Можно ли пожертвовать всем этим для такой безделки? Шутки в сторону! употреби эти два года, чтобы собраться с духом и с мыслями, и возвратись к нему, *armée de toute les pièces*.** Другого, подобного случая не будет — он теперь в твоей власти; удержи свое первенство! Не надейся на него, но сама сделайся надежнее. Ты еще можешь быть хозяйкою судьбы своей; до сих пор ты не знала своего капитала: теперь его знаешь, умей же его не растратить. — Только на этих условиях я могу быть тебе помощником *полезным*; до сих пор я бывал только *минутным отводом*: доказательство этому последний год, столь богатый происшествиями. Ты парализуешь и мое на него влияние своею слабостию и беспечностию. Я не могу мешаться в ежедневные мелочи: одному только всемогущему возможно быть везде, вовремя, с нужною помощью. Ежедневное принадлежит тебе. Я могу быть для тебя полезен не иначе, как его *пугало*; он должен *знать, что я тут*, что в крайности могут быть употреблены решительные средства. Но это должна быть только *его мысль*; на самом же деле я должен быть с ним в ладу именно для того, чтобы он боялся разладу и тем был всегда обуздан. Главный же *действующий* ты. Но и главная беда та, что для тебя нет середины: в хорошую минуту всё хорошо; в дурную — всё разрушено! Нет ни твердости, ни присутствия духа. Первое *только хорошо* с ним невозможно, ибо на него положиться нельзя; последнего, то есть безнадежного отчаяния, он не стоит — ему ли быть разрушителем твоего лучшего! Одним словом, будь независима от него и радостию и горем. От него должна ты *взять с бою* только одно: *свободное спокойствие*! во всё остальное, что составляет жизнь твою, он входить не должен! Считай его несуществующим и без всякого на тебя влияния. И чем менее этого влияния, тем вернее всё твое.

Et celui par qui votre coeur existe (хотя он и не стоит этого: ты осветила его собственным своим светом) trouve sa propre existence dans ce peu de mots, qu'il a découvert dans votre petit livre.*** Саша, эти слова говорят слишком много; они, верно, были

* не заботясь о будущем (фр.)

** полностью вооруженная (фр.)

*** А тот, благодаря которому твое сердце живо <...> сам живет теми немногими словами, которые нашел в твоей книжке (фр.).

только быстрым вдохновением той минуты, в которую ты написала их. Но что же истиннее вдохновения? Это взгляд с высоты на прекрасный Кашемир.¹⁴ Хотя и опять стоишь в долине, между темных утесов; но всё был на высоте и знаешь, что *быть* на ней можешь опять; и помнишь, *что* с нее видно. Вот тебе моя рука; *подать ее тебе* мне столь же и, может быть, более нужно для себя самого, как и для тебя. Будем товарищами, чтобы устроить *твое*, не для тебя и меня, но для детей твоих. Это еще может быть возможною целию: только, опять повторяю, главный действующий ты. Я тебе полезен только тем, что ты знаешь, всегда и везде, что *я твой*. От тебя зависит, чтобы и я имел счастье знать, *что я твой не даром*. — Мне же ты нужна как мертвому трупу бальзам: если же не возвратит жизни, то, по крайней мере, сохранить хотя образ ее! Не унылость точит душу! нет! это еще было бы добро. Но какая-то равнодушная сухость произведений последнего разрушительного времени. За иное ты мой должник! Не обвиняй себя — воля не виновата! По крайней мере, расплатись со мною, согласись на то товарищество, какого я требую. Прочитав твою черную книжку, я ближе узнал тебя, или, лучше сказать, прежняя вера обратилась в знание настоящее. Верь себе и ты! Всё прекрасное тебе доступно! У тебя есть крылья, на которых мигом можешь взлететь на высоту и любоваться счастливым Кашемиром. Но летать хорошо, когда нет товарищей! Пора идти по дороге и вести за собою милых спутников. Твоя книжка уверяет, что у тебя много, много драгоценных материалов; не оставляй же их разбросанными; составь целое, и для составления-то этого целого подаю тебе руку. Un regard réfléchi sur le passé et armez vous de toutes les pièces. * Аминь.

Целую у маменьки ручки. На следующей почте поедет к ней «Peveril».¹⁵ Что Мойер? Возвратился ли или когда возвратится?¹⁶ Детей всех и с ними miss Parich¹⁷ целую.

¹ Первоначально дата была записана Жуковским как «26 августа».

² В «Путешествии вокруг моей комнаты» (1794) графа Ксавье де Местра (1763–1852) речь идет о присутствии в человеке двух почти слитых воедино существ — животного (la bête; пер. Жуковского: скотина) и души, попеременно управляющих друг другом; это положение автор раскрывает в повести как свою «систему». В России книга издавалась и в русском переводе (1802), и на французском языке (1812).

³ Речь идет о журнале (дневнике) Воейковой, который Жуковский привез с собой из Дерпта в Петербург; далее он называет его «черной книжкой».

⁴ Варета, Varette — Варвара Павловна Ушакова (1797–1862), в замужестве (с 1825 года) Барыкова, фрейлина, адресат павловских посланий Жуковского 1818 года. Живя в Дерпте, Воейкова постоянно переписывалась, кроме нее, с гр. М. В. Адлерберг. Летом 1823 года в Дерпт приезжали навестить Воейкову В. А. Перовский и Н. Ф. Плещеева, статс-дама. В письмах Жуковский упоминал об участливых расспросах о ней императрицы Елизаветы Алексеевны и великой княгини Александры Федоровны.

⁵ Жуковский справедливо оценивает планы Воейковой о покупке дома в Царском Селе как фантастические, внушенные мужем с целью уговорить ее вернуться в Петербург.

⁶ Речь идет о приезде Воейкова в Дерпт 12–26 июля 1823 года для свидания с женой и детьми (см. с. 52).

⁷ Е. А. Протасова («маменька») и И. Ф. Мойер, муж покойной Маши, давно уже отказались от общения с Воейковым; дом Мойера был для него закрыт.

⁸ Летом 1823 года Жуковский жил в Павловске.

⁹ Жуковский надеялся на свободное от занятий с великой княгиней Александрой Федоровной время в ожидании ее «родин»; в октябре 1823 года, однако, у нее родился мертвый ребенок.

¹⁰ Жуковский напоминает Воейковой, во-первых, о том, что ее муж имеет доходы только от издания газеты «Русский инвалид», а во-вторых, об «оставшихся долгах» его, сделанных еще до женитьбы на ней (он расплатился по этим долгам к концу 1820-х годов).

¹¹ По-видимому, речь идет об отношениях Воейковой с А. Тургеневым.

¹² Имеются в виду трое детей Воейковой.

¹³ Экран — небольшая вышитая ширма для украшения гостиной, часто перед камином.

¹⁴ «Прекрасный Кашемир» — образ высокогорной долины, встречающийся в дневниках-письмах Жуковского и Маши Протасовой 1810-х годов как символ счастья, достижимого лишь теми, кто устремляется ввысь. См.: Лебедева О. Б. Принципы романтического жизнотворчества в дневниках В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004.

* Рассудительно взгляни на прошлое и полностью вооружись (фр.).

Т. 13. С. 430—431; *Мисайлиди Л. Е.* Образ Кашмира как земли обетованной в дневниках В. А. Жуковского 1814—1815 гг. (в печати).

¹⁵ Имеется в виду только что вышедший в Англии роман Вальтера Скотта «Певерил Пик» (1823).

¹⁶ Речь идет о возвращении И. Ф. Мойера из имения Протасовых Муратово, где он находился летом.

¹⁷ Miss Parich — гувернантка детей Воейковых.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-59-74

© *Е. В. Кардаш*

ПОЭТИКА АГОНИИ И ПРАКТИКИ ГЕНИЯ: ПЕРЕВОД А. С. ПУШКИНА «ИЗ А. ШЕНЬЕ» КАК ОПЫТ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ*

В этой статье я постараюсь продемонстрировать, как опыт поэтического перевода становится инструментом эстетической рефлексии и одним из подступов к формированию авторской творческой стратегии. Речь пойдет о стихотворении Пушкина «Из А. Шенье (Покров, упитанный язвительною кровью...)».

Стихотворение представляет собой вольный перевод идиллии А.-М. де Шенье «*Œta, mont ennoblé par cette nuit ardent...*» из одноименного собрания сочинений поэта 1819 года.¹ В современных французских научных изданиях она публикуется под названием «*La Mort d’Hercule*» («Смерть Геракла»), которым я и буду пользоваться далее для краткости. Это небольшая поэтическая вариация классического сюжета о гибели Геракла во время жертвоприношения на горе Эта и приобщении его к сонму олимпийских богов. Пушкин обратился к переводу в 1825 году, однако оставил его, набросав вчерне первые шесть стихов. Стихотворение было завершено лишь спустя десять лет, 20 апреля 1835 года, и через год опубликовано в «Современнике» без подписи автора. Причины первоначального интереса поэта к этому сюжету и возобновления его после долгого перерыва неизвестны. Для удобства дальнейшего чтения привожу тексты оригинала и перевода:

André de Chénier

<*La Mort d’Hercule*>

Œta, mont ennoblé par cette nuit ardente,
Quand l’infidèle époux d’une épouse imprudente
Reçut de son amour un présent trop jaloux,
Victime du centaure immolé par ses coups.
Il brise tes forêts: ta cime épaisse et sombre
En un bûcher immense amoncèle sans nombre
Les sapins résineux que son bras a ployés.
Il y porte la flamme; il monte sous ses piés
Étend du vieux lion la dépouille héroïque;
Et l’œil au ciel, la main sur la massue antique,
Attend sa récompense et l’heure d’être un dieu.
Le vent souffle et mugit. Le bûcher tout en feu

* Пользуюсь случаем поблагодарить Н. Г. Охотина, чьи профессиональные советы и ценные замечания очень помогли мне в процессе исследования, результаты которого представлены в статье.

¹ *Chénier A. de. Oeuvres complètes.* Paris, 1819. P. 69. О знакомстве Пушкина с этим изданием см.: Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 384–385.